

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ



КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

СОВРЕМЕННАЯ АМЕРИКАНСКАЯ «ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ» ЭТНОГРАФИЯ

В современной американской «теоретической» этнографии, характеризуемой в целом глубокой реакционностью, видное место занимает так называемое психологическое, — точнее — расистско-психологическое направление. В «теорию» психологического расизма входят три составные части: психоанализ, психотехника и философия шпенглеризма. Психоанализ, получивший довольно широкое распространение среди некоторой части американских социологов, идет от Фрейда. Последний был почти неизвестен до 20-х годов нашего века, хотя его теория зародилась много раньше. Но в кризисное время после первой мировой войны, когда были нарушены все экономические связи и выявился общий упадок культуры в Западной Европе (в особенности в странах бывшей германской коалиции), учение Фрейда получило признание, главным образом среди буржуазной интеллигенции Австрии и Германии. Объясняется это тем, что значительная часть немецкой интеллигенции, разочаровавшаяся в политике, решила отказаться от социологии, заменив ее психологией, да и то лишенной физиологической основы. Это было настоящим бегством от науки об обществе. До тех пор даже самые архибуржуазные теории общественного развития считали общество определенным единством, причем «единство» подчеркивалось, чтобы показать отсутствие в обществе классовых делений и классовой борьбы. В своем наиболее законченном виде эта теория единства общества была выражена спенсеристами и неомальтузианцами и вплоть до 20-х годов XX в. считалась в буржуазных политических и «научных» кругах самой авторитетной. На смену этой теории, утверждавшей, будто каждый член общества, каждая группа людей составляет неотъемлемую частицу общественного организма, пришла теория Фрейда с ее отрицанием общества как экономической и политической совокупности людей. Фрейд признавал не общество, а сожительство людей, объединенных не социально, а психически. Теория Фрейда не получила особого развития в странах-победительницах в первой мировой войне (Франции, Англии, США), но зато она совершала победное шествие в странах побежденных — Германии, Австрии. Фрейдизм заменял социологию психоанализом — учением о темных подсознательных психических процессах (по преимуществу сексуального характера), управляющих всем поведением человека. На такой подсознательной сексуальной основе зиждется, по Фрейду, вся человеческая культура. Развитие эротики, явно гипертрофированный интерес к сексуальным вопросам обычно характеризуют общественное мышление тех социальных слоев, которые не имеют будущего. Проникновение сексуализма в науку (чем по существу является фрейдизм) знаменовало загнивание буржуазной культуры, упадок науки. В последние годы фрейдизм получил распространение среди самых реакционных и остальных групп фашистской и профашистской интеллигенции, а при разработке гитлеровских «наук» он был включен в обоснование психолого-расистских теорий.

Не менее показателен и путь психотехники. Она появилась в те же годы, что и фрейдизм (в его развитой форме). Но зона ее распространения была значительно шире, чем область распространения фрейдизма, — она охватила постепенно всю Европу (проникла одно время даже в Советский Союз), затем перекочевала в США, где и обосновалась. Психотехника, по замыслу ее творцов, должна была полностью заменить психофизиологию. Научное исследование, основанное на изучении физиологических процессов центральной нервной системы (как это имеет место в физиологической школе Павлова), психотехники подменяли нехитрой механикой «тестов», г. е. условных определителей. Наряду с механическими записями реакции того или другого организма на раздражение, психотехники все более отвлекались в сторону разработки всяческих анкет, вопросов-головоломок, балльных систем и всяческих оценочных коэффициентов, при помощи которых определялась психическая «полноценность» того или другого индивидуума. Все это постепенно превращалось в шарла-

танство, дававшее возможность придать наукообразный характер заранее подготовленным выводам. Неудивительно, что гитлеровские «ученые» стали самыми горячими сторонниками развития психотехники и что в расистских «лабораториях» она получила широчайшее применение.

Что касается философской системы шпенглеризма, то автор «Заката Европы» стал известен также в 20-х годах нашего века; его книга стала (на первых порах) манифестом той части немецкой интеллигенции, которая, разочаровавшись в буржуазной демократии, шла от нищезнания к гитлеризму. Шпенглер — идеологический предшественник Розенберга; в выпяченной и туманной фразеологии Шпенглера содержатся уже положения о «полноценных» и «неполноценных» людях, полноценных и неполноценных идеях, полноценной и неполноценной культуре.

Из сочетания сексуального психоанализа Фрейда, спекулятивной системы психотехники и завуалированного расизма Шпенглера и родился новый «метод» американских социологов. К этому нужно прибавить криминально-психиатрическую школу Кардинера, воспринявшего многое от того же Фрейда, многое от Ломброзо и еще больше от Розенберга. Появление этой, совершенно правильно названной Н. А. Бутиновым «психолого-расистской», школы в американской этнографии знаменует разительный упадок буржуазной культуры, ее загнивание и обреченность. Оно свидетельствует о духовной нищете довольно многочисленных кругов североамериканского общества, готовых «принять на вооружение» самые реакционные псевдонаучные теории. Несомненно, наряду с этой «модной» школой, существуют и другие, поддерживающие традиционные теории буржуазной социологии и достаточно влиятельные. Но, судя по огромному количеству выпускаемой ею литературы, «психологическая» школа занимает наиболее видное место среди реакционнейших направлений в американской этнографии.

Публикуя настоящую обзорную статью Н. А. Бутинова, редакция предполагает в дальнейшем дать более углубленный разбор отдельных направлений этой «школы».

Редакция

В недавнем прошлом американские этнографы, как известно, любили высказывать свое пренебрежение к теории. «Среди американских этнографов,— писал, например, Роберт Лоуи в 1927 г.,— почти нет таких, которые теоретизировали бы за письменным столом»¹. Ныне мы наблюдаем нечто совершенно противоположное. В журнале «American Anthropologist» с 1940 по 1944 г., из общего числа 160 статей, вопросам описательной этнографии, по подсчетам Крэбера, было посвящено лишь 10, а вопросам теории и методологии — 68 статей².

Этот резкий поворот американских этнографов к теоретизированию не следует представлять себе как результат накопления новых этнографических фактов, как результат эволюционного, самостоятельного развития американской этнографии. В данном случае не было ни новых этнографических фактов, ни самого развития. Американским этнографам со стороны определенных кругов предложено было приобщить свои труды к тем социологическим «трудам», авторы которых изошряются в обосновании справедливого характера империализма и стараются доказать «вечность» и «незыблемость» капиталистических отношений. Говоря словами самих американских этнографов, им предложено было «внести свою долю в дело разрешения великой проблемы «цивилизации». В 1942 г. Элли Парсонс призналась: «Несколько лет тому назад из Чикаго раздался призыв, что настало время для нас, этнографов, показать наш товар лицом» «sell our goods»³. Американские этнографы имели ясное представление о том, что эта «великая проблема цивилизации» сводится к сохранению капиталистического общества⁴. Конечно, это высказывается более или менее завуалированно.

В связи с этой новой «задачей» были переосмыслены роль и значение этнографической науки в США. Этнография призвана, якобы, дать рецепт для спасения «цивилизации». «Примитивный народ, не имеющий письменности,— пишет Маргарет Мид,— представляет гораздо менее сложную проблему (чем народ цивилизованный.— Н. Б.), и опытный ученый может овладеть основной культурой примитивного общества в несколько месяцев»⁵. Нужно изучить сначала «примитивные» народы, испробовать на них те или иные рецепты спасения «цивилизации», а затем уже применять их к «западным» народам. В этом заключается, пишет Рут Бенедикт, «одно из философских оправданий существования особой науки о примитивных народах»⁶.

¹ R. Lowie, Theoretische Ethnologie in Amerika, «Jahrbuch für Soziologie», B., 1927.

² A. L. Kroeber, The range of American Anthropology, «American Anthropologist», 1946, № 2, стр. 298.

³ E. C. Parsons, Anthropology and prediction, «American Anthropologist», 1942, № 3, стр. 339.

⁴ S. Makeel, A discussion of culture change, «American Anthropologist», 1932, № 2, 284.

⁵ M. Mead, Coming of age in Samoa, a psychological study of primitive youth for western civilization, 1936, стр. 8.

⁶ R. Benedict, Patterns of culture, 1935, стр. 55.

Для современной американской «теоретической» этнографии характерно возведение всех социальных институтов и обычаев к тем или иным, якобы неизменным, якобы всегда имевшим место, свойствам человеческой психики. Все общества или (как предпочитают говорить буржуазные ученые) «культуры» объясняются ими как индивидуально-психологические комплексы. «Культуры с этой точки зрения,— пишет Рут Бенедикт,— это психологии индивидуумов, отраженные на большом экране, получившие гигантские размеры в пространстве и занявшие огромные периоды во времени»⁷. Нетрудно видеть, что человеческое общество подменено здесь суммой индивидуумов, между которыми, якобы, нет никаких противоречий. «В каждой культуре,— пишет Бенедикт,— возникают специфические цели... В соответствии с этими целями каждый народ все более и более консолидирует свой опыт, и пропорционально силе этих стремлений гетерогенные черты поведения людей принимают все более и более согласованную форму»⁸. Все члены общества становятся, по мнению Бенедикт, похожими один на другого, и поэтому психология одного из них, отраженная «на большом экране» времени и пространства, и является самим обществом или культурой.

Бенедикт рассмотрела в этом «плане» культуры трех племен: зуны (пуэбло), квакиутл (северо-западный берег Северной Америки) и папуасов о-ва Добу (Меланезия). Приведем вкратце основные «результаты» ее работы.

Индейцы пуэбло, по ее мнению, более всего ценят спокойствие общественной жизни. Сила и насилие у них презираются. Индивидуум растворяет свою деятельность в деятельности группы и не стремится к авторитету. Идея единства человека и вселенной доминирует в их мировоззрении, в отличие от «западного взгляда» на вселенную, как на арену борьбы между силами добра и зла. В противоположность этому образу жизни, который Бенедикт называет «аполлоновским» (заимствуя термин у Шпенглера), индейцы квакиутл еще в предыдущем поколении вели «дионисиевский» образ жизни: стремились к сильным переживаниям, к экстазу. Их «система ценностей» была сосредоточена на самопрославлении. Их идеалом был человек, который превосходил всех других в храбрости, тщеславии, высокомерии и который скорее покончит с собой, чем подвергнется насмешкам за неудачу. Третий образ жизни представлен папуасами о-ва Добу. Они считают злонамеренность и предательство добродетелью, а ревность — нормальным состоянием и культивируют чувство свирепой исключительности во всех вопросах собственности. Каждый из них полагает, что все другие люди и природа относятся к нему враждебно. Вся жизнь представляется им борьбой с безжалостными врагами за блага жизни. Таковы три «типа жизни», три «типа культуры». «Они идут различными путями, преследуют различные цели..., которые в основном, несоизмеримы»⁹.

По мнению Бенедикт, ее «теория» типов культуры должна быть распространена на все народы, в том числе на народы, живущие в классовом обществе. Нетрудно видеть, что «теория» типов культуры, предложенная Бенедикт, отрицает классовые различия, подменяет их национальной «культурной» рознью. Эта «теория», имеющая в виду прежде всего капиталистическое общество, служит американским империалистам, стремящимся направить обостряющуюся в США классовую борьбу в русло распрей между трудящимися различных национальностей.

«Теория» типов культуры имеет целью затушевать факт наличия двух культур в капиталистическом обществе, о чем говорил Ленин. «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре,— писал Ленин в 1913 г.— Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве,— но есть также великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова. Есть такие же две культуры в украинстве, как и в Германии, Франции, Англии, у евреев и т. д.»¹⁰

Именно это обстоятельство и явилось причиной того, что Бенедикт долгое время не решалась изобразить какое-либо классовое общество в свете своей «теории». Она ввела понятие «неполной интеграции» культуры, заявив, что эта «неполная интеграция» является характерным признаком «определенного рода культур». Насколько эта оговорка несущественна, видно хотя бы из того, что впоследствии Бенедикт отказалась от всяких оговорок и описала «культуру» японцев, как нечто якобы целое. Правда, при этом она шла по тропинке, ранее проторенной другим мракобесом, откровенным расистом Абрамом Кардинером, почва для измышлений которого, в свою очередь, была подготовлена Ральфом Линтоном. Тем не менее, та легкость, с которой Бенедикт перешла от одной «теории» к другой, может быть объяснена лишь единой направленностью этих «теорий», их близким родством.

Линтон и Кардинер довели до конца «психологические» измышления Бенедикт, т. е. распространили их на классовое, капиталистическое общество. Линтон истолковал наличие двух культур, буржуазной и пролетарской, в капиталистическом обществе таким образом, что назвал первую «идеалом», а вторую — результатом неудачных попыток достигнуть этого «идеала». Роль Кардинера посл- этого свелась к тому, что

⁷ Ruth Benedict, *Configurations of Culture in North America*, «American Anthropologist», 1932, № 1, стр. 24.

⁸ R. Benedict, *Patterns of culture*, стр. 46.

⁹ Там же, стр. 223.

¹⁰ В. И. Ленин, Соч., т. XVII, стр. 143.

он перевел «теорию» Линтона на язык психопатологии (основной специальности Кардинера) и всех «индивидуумов», борющихся с господствующими в капиталистическом обществе порядками, объявил, с присущей ему наглостью, «психически ненормальными», место которым не в обществе, а в психиатрической больнице. Примерно так же были «охарактеризованы» им все народы, не следующие «американскому образу жизни» и не желающие подчиняться произволу колонизаторов.

Начнем с «теории» Линтона. Он утверждает, что имеется некая «культура», состоящая из «идеальных образцов» (ideal patterns); она связана с сознанием, душой и «редко, если вообще когда-либо, находит выражение в поведении». Это — «скрытая культура» (covert culture), существующая лишь для немногих. И в этом «скрытом» характере «идеальных образцов» Линтон видит причину всех социальных бед и несчастий, преследующих большинство членов капиталистического общества. «Если бы идеальные образцы, — пишет он, — находили полное и повторяющееся (у всех людей. — Н. Б.) выражение, то личности индивидуумов, стремящихся к достижению этих образцов, были бы во всех отношениях совершенно одинаковы»¹¹. Иначе говоря, в обществе не было бы никаких различий между людьми в том числе и классовых, если бы дело зависело только от культуры. Культура сама по себе или, говоря словами Линтона, «в абстракции» — хороша. Однако люди по причине несовершенства своей природы, а также в силу различных случайностей («атипичных индивидуальных опытов») не все могут пользоваться ее достижениями, утверждает Линтон.

Он пытается делать вид, что для него неясен вопрос о характере этих «идеальных образцов», об источнике их возникновения. «Определение того вида реальности, — пишет он, — которой они («идеальные образцы». — Н. Б.) обладают, следуют представить философам». В данном случае, однако, Линтон пишет одно, а думает другое. Мы припоминаем слова Клюкхоуна, сказанные им об американских этнографах: «Важно не только прочесть то, что этнографы пишут, но и попытаться понять то, что они думают, а это является (к несчастью, но, повидимому, неизбежно) особой задачей»...¹² Придется и нам в данном случае вспомнить об этой «особой задаче». Решение ее не представляет особых трудностей. Мы уже сказали, что «скрытую культуру» Линтон потому и называет «скрытой», что связывает ее с сознанием, с «душой» человека. Подробно проследившая происхождение человека, Линтон предупреждает, что речь идет лишь о происхождении его физического строения и физиологических свойств. Что же касается человеческой души, то «бог мог дать человеку душу на любой стадии его физического развития»¹³. Таков тот «вид реальности», который Линтон приписывает «душе», а значит и «скрытой культуре», являющейся достоянием немногих «избранных».

На вопрос о роли в обществе «средних индивидуумов» Линтон отвечает очень определенно. О «скрытой культуре» они, по его мнению, ничего не знают, хотя и «формируются» ею. «Средний индивидуум во всех обществах, — пишет Линтон, — является пассивным носителем культуры, получающим ее от своих предшественников и передающим ее своим потомкам без каких-либо особых изменений»¹⁴. Линтон не устает подчеркивать инстинктивный, бессознательный характер «открытого поведения» «средних индивидуумов». Он считает, например, возможным сделать следующий выпад против членов коммунистической партии США: «Агитаторы, которые сокрушаются по поводу отсутствия классовой сознательности в пролетариате, упускают из виду тот факт, что это отсутствие характерно для всех групп... Небольшая группа индивидуумов, контролирующая промышленность и банки, возможно, в большей степени сознает свои общие интересы, чем члены какого-либо другого из так называемых классов, и все же было очень мало случаев, когда они в состоянии были создать единый фронт»¹⁵.

Советскому читателю, знающему, как американские империалисты единым фронтом наступают на рабочий класс в США, пытаются, вместе с английскими империалистами, подчинить себе народы Западной Европы, подавляют с помощью французских и голландских империалистов восстания колониальных народов, и т. д., — нет необходимости объяснять, что Линтон здесь бессовестно лжет. Его же собственная «теория», обслуживающая империалистов, опровергает эти лживые слова. «Средним индивидуумам» Линтон оставляет только бессознательные действия, «обычаи», «открытое поведение», причем объявляет это «открытое поведение» «средних индивидуумов» различным у разных народов. Что же касается «избранных», т. е. империалистов, то их Линтон считает хранителями «идеальных образцов», «скрытой культуры», одинаковых во всем мире, и недоступных, как мы уже указывали, для «средних индивидуумов». Такова «теория» «скрытой культуры» и «открытого поведения», предложенная Линтоном.

«Посмотрите на капиталистов, — писал Ленин. — Против рабочих объединены

¹¹ R. Linton, The study of man, 1936, стр. 101.

¹² C. Kluckhohn, The place of theory in anthropological studies, «Philosophy of Science», 1939, № 3.

¹³ R. Linton, Указ. раб., стр. 7.

¹⁴ Там же, стр. 54.

¹⁵ Там же, стр. 110, 111.

капиталисты всех наций и религий, а рабочих стараются разделить и ослабить национальной враждой»¹⁶.

О чем бы ни говорили современные американские этнографы, обычаи сколь «примитивных» народов они ни брались бы объяснять, на деле они постоянно имеют в виду капиталистическое общество, его институты, и пытаются обосновать их якобы «вечный», непреходящий характер. Этим и объясняется разница между тем, что американские этнографы пишут, и тем, что они «думают».

«Этот повышенный интерес к проблемам первобытности,— заметил проф. С. П. Толстов в 1931 г., когда американские этнографы только еще начинали теоретизировать,— не случаен... буржуазная наука, не находя оправдания для разрываемого внутренними противоречиями буржуазного строя, поворачивается назад и начинает искать в далеком прошлом исторических аргументов незыблемости буржуазного порядка»¹⁷.

Таким образом, все громкие фразы о «спасении цивилизации» на деле свелись к тому, что американские этнографы стали изобретать «теоретические» обоснования для тех насилий, которые империалисты творят сейчас в США и за их пределами. Некоторые американские этнографы скатились к тому, что стали оправдывать и «теоретически» обосновывать то, против чего всегда боролись и борются прогрессивные ученые мира — практику расизма. Эта практика имеет в США немалую давность. В эпоху покорения индейцев там был создан режим (под видом охраны «американской цивилизации» от «варваров»), приведший к вымиранию индейских племен. Позднее там были придуманы различные «методы» расовой дискриминации негров вплоть до зверских судов Линча. Но никогда еще практика расизма не была так распространена в США, как ныне. Империалисты ухитряются сейчас насаждать антисемитизм среди американских негров и презрение к неграм среди американских евреев, разжигают ненависть к проживающим в США мексиканцам, культивируют антиславянские, антиитальянские, антифранцузские настроения. Пропаганда расистских настроений ведется через радио, кино и периодическую печать. Это особенно характерно для современных США,— в этой пропаганде расизма приняли участие американские ученые самых различных специальностей, пытались подвести теоретическую «основу» под расистские настроения, теоретически «обосновать» расизм. Среди этих ученых оказались и некоторые американские этнографы, из числа тех, которые, когда раздался «призыв из Чикаго», обнаружили непреодолимую потребность к теоретизированию. Возглавляет эту группу ученых некто Абрам Кардинер, в прошлом психопатолог, ныне этнограф.

Кардинер изображает дело так, будто он от изучения свойств психически ненормальных лиц в клинической обстановке перешел к изучению культур различных народов единственно с целью «проверить» психоаналитическое объяснение». Вслед за Рут Бенедикт и Ральфом Линтоном, Кардинер подменяет сложное человеческое общество суммой индивидуумов, которые должны, по его мнению, походить один на другого, ибо все они находятся, якобы, в одних и тех же «экспериментальных» (культурных) условиях. Отсюда вытекает «метод» Кардинера: на основании кабинетного изучения культуры («условий эксперимента») он делает предположение, какими должны быть живущие в условиях данной культуры «человеческие существа». После этого он направляет этнографа к народу, обладающему данной культурой, чтобы «проверить» при помощи различных тестов, действительно ли «человеческие существа» являются такими, какими они были «предположены» на основании изучения культуры. Для этого, разъясняет Кардинер, достаточно изучить двух-трех представителей данного народа, ибо все они (за исключением «ненормальных») должны быть схожи.

В 1935 г. начал работать под руководством Кардинера объединенный (психолого-этнографический) семинар Нью-Йоркского психоаналитического общества. Этнографы делали на этом семинаре доклады о культурах различных народов, после чего Кардинер давал психоаналитическую «оценку» сообщенных материалов и пытался сделать вывод, каков должен быть психологический облик индивидуума, живущего в той или иной культуре.

В 1936 г. Линтон писал (имея в виду, очевидно, семинар Кардинера), что «изучение индивидуумов в обществах, имеющих резко различные «модели» ухода за детьми (patterns of infant care), только еще началось»¹⁸. В 1939 г. вышла книга Кардинера¹⁹, в основу которой были положены эти «изучения» (каковых, в действительности, еще не проводилось, ибо занятия семинара были сугубо кабинетными). За подбором необходимого ему фактического материала, который подтверждал бы его выводы, Кардинер послал Кору Дю Буа в Индонезию, на остров Алор²⁰. Одновремен-

¹⁶ В. И. Ленин, Соч., т. XVI, стр. 554.

¹⁷ С. П. Толстов, Проблемы дорожого общества, «Советская этнография», 1931, № 3—4, стр. 70.

¹⁸ R. Linton, Указ, раб., стр. 473.

¹⁹ A. Kardiner, The individual and his society, N. Y., 1939.

²⁰ Вначале он предполагал откомандировать ее в Сибирь, но этому, по свидетельству Кору Дю Буа, помешали причины якобы «политического характера». Сибирские народы были ограждены от оскорбительных характеристик американских мракобесов.

но с нею в небольшом американском городке под руководством Линтона собирал материалы для Кардинера некто, скрывшийся под псевдонимом Джемс Уэст. Материалы Кора Дю Буа и Джемса Уэста включали описание культуры изучаемых «объектов» (т. е. туземцев острова Алор и жителей американского городка), их автобиографии и различные тестовые данные (по тестам Роршаха, Портьюса, ассоциации слов и т. д.). Анализ этих материалов были посвящены занятия семинара 1940 г. и последующих лет, причем на этот раз в анализе принимали участие такие видные ученые, как этнографы Г. Батесон и М. Мид, психологи Портьюс (автор текста) и Оберхольцер и др.

Таким образом, мы имеем дело не с отдельным ученым, но с главой «школы», которую мы предлагаем назвать психолого-расистской, ибо представители этой школы характеризуют каждый «изучаемый» ими народ как «психически ненормальный» в том или ином отношении. Так, «основную личность» туземцев острова Алор (Индонезия) Кардинер характеризует следующими психологическими «комплексами»: 1) ненависть к матери, 2) переоценка значения половых стимулов и стимулов голода, 3) страх, 4) подозрение, 5) недоверчивость, 6) отсутствие уверенности в себе, 7) непостоянство, 8) отсутствие инициативы²¹. Наконец, чтобы не оставалось уже никаких сомнений в том, что эта «теория» служит именно империалистам, Кардинер добавляет еще один «комплекс», свойственный, якобы, «основной личности» индонезийцев: «желание быть объектом агрессии и принимать диктуемые условия мира»²². Следует помнить, что это написано в самый разгар борьбы индонезийцев с голландскими империалистами за свою национальную независимость.

Кардинер начинает как будто с критики расизма в его германской редакции. На деле же он пользуется этой критикой как дымовой завесой, чтобы отречься от основных положений науки о расах и на пустом месте соорудить уродливое здание расизма в новой американской редакции. Это положение вещей Кардинер пытается запутать тем, что вместо понятия расы как суммы биологических признаков, он предлагает понятие «основная личность» как сумму психологических «комплексов». Но эта игра в словечки может запутать разве только того, кто сам хочет быть запутанным.

Кардинер защищает «незыблемость» капиталистических порядков. Пытаться изменить, пишет он, «социальный порядок и его институты — это все равно, что пытаться поднять себя за уши сапог»²³. Он утверждает, далее, что все люди, живущие в капиталистическом («западном») обществе, проводят раннее детство в одних и тех же условиях, под влиянием одних и тех же «первичных институтов». Следовательно, заявляет он, в «западном» обществе нет классовых различий между людьми, все люди по своим психологическим качествам приближаются к «основной личности» «западного» общества. Отклонения от «основной личности» Кардинер объясняет «атипичными» (для «западного» общества) условиями раннего детства; таких членов общества Кардинер называет «психически ненормальными». Наконец, он утверждает, что каждый народ имеет свою особую «основную личность», при этом одни народы призваны повелевать, а другие подчиняться.

Относительно того, какие именно народы призваны повелевать, в США нет единой точки зрения. Согласно одной версии, призваны повелевать англо-саксы. Согласно другой, — только североамериканцы, причем США изображаются как «тигель» для переплавки всех других наций. В зависимости от конкретной обстановки применяется либо та, либо другая версия, и «теория» Кардинера построена так, что может служить «обоснованием» обеих. Понятие «основная личность», таким образом, служит тем же реакционным, империалистическим целям, которым служило и понятие «раса» в руках немецких расистов.

В этой связи становится понятным тот факт, что в США издается огромное количество книг, посвященных воспитанию детей, а также технике психоанализа. При многих американских университетах организованы школы для взрослых, в которых преподают психоанализ. Некто Нокс решил выяснить, что более всего интересует посещающих эти школы. Путем собирания анонимно заполненных анкет он пришел к следующему выводу: «Большинство из них желало знать, что может дать психолог для его дела, для его отношений с людьми, для достижения счастья»²⁴. Тот же Нокс пишет, что американцы в настоящее время тратят тысячи долларов на предсказание судьбы, спиритизм, телепатию, френологию и т. п.²⁵ С. Фельдман сообщает, что в США «смотря на психоанализ как на лекарство от всех страданий человечества... При помощи психоанализа пациенты надеются стать сверхлюдьми (supermen), надеются не только на то, что психоанализ излечит их от чего-либо, но и на то, что психоанализ создаст в них самые высшие способности, какие только человеческое

²¹ Cora Du Bois, The people of Alor, N. Y., 1944, стр. 181.

²² A. Kardiner, The psychological frontiers of society, N. Y., 1946, стр. 170. Наш подробный разбор его книги см. «Советская этнография», 1948, № 3.

²³ A. Kardiner, Указ. раб., стр. 44.

²⁴ G. W. Knox. A survey of adult interests in, an attitudes towards, psychology, «Journal of General Psychology», 1940, January, стр. 209.

²⁵ Там же, стр. 210.

существо может иметь. Многие видят в психоанализе новую религию»²⁶. В Англии также начинают учащаться явления подобного рода.

Причины ваших несчастий и огорчений, поучают Кардинер и его английские последователи, коренятся не в обществе, не в социальной системе, подавляющей миллионы индивидуумов ради нескольких тысяч, а в структуре вашей личности. В раннем детстве у вас были «катипичные» опыты, в результате чего в структуре вашей личности есть «отклонения от нормы». Вы — ненормальны, но в этом оказывается, нет ничего особенного. «Ненормальное поведение и опыт, — поучают в упомянутой школе для взрослых, — это нормальные признаки человеческой природы»²⁷. Вы потеряли работу — вам нужно идти к специалисту по психоанализу, проверить «структуру вашей личности». Вы потеряли свои сбережения, потому что лопнул банк, в который вы их вложили, — пошлите в специальное бюро по психоанализу ваши воспоминания о раннем детстве, о том, как вы ненавидели свою мать и т. п. (приложив, разумеется, известную сумму), и вскоре вы получите ответ, где будет сказано, какой «комплекс» вашей личности виноват в том, что вы лишились своих денег.

В связи с этим становится понятным и тот факт, что в США издается немалое количество книг и журналов, посвященных изучению психических расстройств. Как на своего рода знамение времени можно указать на объемистую (700 стр.) книгу Алонзо Грэвса «Затмение разума»²⁸. Автор этой книги — умалишенный, и написана она в сумасшедшем доме. Она содержит воспоминания автора о его семье, о его детстве, о его работе газетным репортером, а параллельно — данные врача о поведении автора в то время, когда он писал свои воспоминания. Некто Дэй, рецензируя эту книгу, превозносит ее ценность, ибо в ней, мол, содержатся только бес-сознательные «комплексы» ее автора, сознание его не принимало в написании этой книги никакого участия²⁹.

Маргарет Мид идет еще дальше. Она призывает психосоматическую медицину расширить границы своей деятельности с тем, чтобы «само общество стало ее пациентом»³⁰. Эти слова М. Мид имеют в виду прежде всего «другие» общества, «другие» народы. Норвежский ученый Абрахамсен³¹ взялся, например, «лечить» немецкий народ. Он прежде всего поставил «диагноз» и выяснил, что «немцы страдают коллективным умопомешательством». По его мнению, «болезнь» возникла в доисторический период, когда немцы жили в лесах. Лесная жизнь заставляла их всегда предполагать опасность и держаться вместе. Опасность сделала немцев болезненно агрессивными, и эта агрессивность проявляется даже в грубости их языка³². Далее автор переходит к обсуждению методов, при помощи которых следует «лечить» немецкий народ. По его мнению, немецкий народ можно было бы «вылечить» в три года, если бы можно было в течение этих трех лет ежедневно и для каждого немца отдельно устраивать сеанс психоанализа.

«Теория» «основной личности» идет на потребу американским империалистам. Когда им нужно оправдать экономическое закабаление ряда государств Западной Европы, они среди других софизмов приводят и доводы Кардинера: народ, имеющий «плохую» «основную личность», не может сам ее изменить, но должен прибегнуть к «помощи» другого народа, имеющего хорошую «основную личность». В «работах», выходящих из-под пера Кардинера и его последователей в виде «конфиденциальных» памфлетов, имеются указания, что «поскольку структура характера наших врагов является нежелательной, а наш собственный характер действует благоприятно в этом отношении (плюс к тому же атомная бомба. — Н. Б.), постольку мы имеем моральное право придти к ним и реформировать силой, если необходимо, семью, воспитание и религию народов, отличных от нас»³³.

Эта «теория» начинает применяться и в литературоведении, искусствоведении и т. д. Она нашла свое применение и к так называемой «негровой проблеме» в США. Здесь понятие «основная личность» не применяется, потому что расовая дискриминация тогда была бы слишком уже очевидна. Поэтому «негровая проблема» разрешается при помощи нового понятия — «каста». Кокс утверждает, например, что

²⁶ S. Feldman, True and false conceptions of psycho-analysis, «Psychiatrist Quarterly», 1945, № 4, стр. 567.

²⁷ См. «Journal of General Psychology», 1940, January, стр. 210.

²⁸ Alonzo Graves. The eclipse of a mind. N. Y., 1942.

²⁹ См. «American Journal of Sociology», 1943, № 5, стр. 622.

³⁰ M. Mead, The concept of Culture and the psychosomatic approach, «Psychiatry», 1947, № 10, стр. 75.

³¹ D. Abrahamson, Men, mind and power, N. Y., 1945.

³² Автор уделяет место и выяснению «болезней» отдельных лиц: Гитлера, Геббельса, Геринга, Гиммлера, Квислинга и Лавала. Гитлер, по его мнению, в раннем детстве сильно ненавидел своего отца, австрийца, и поэтому, когда вырос, всегда стремился к захвату Австрии. Лаваль, наоборот, имел в детстве предосудительные отношения со своей матерью, и тот факт, что он предал Францию, был «психологическим эквивалентом изнасилования им своей матери».

³³ J. Embree, Applied anthropology and its relationship to anthropology, «American Anthropologist», 1945, № 4, стр. 636.

негры представляют особую касту и что отношения между белыми и неграми являются отношениями эксплуатации³⁴. За этим, на первый взгляд довольно радикальным, тезисом кроется в действительности весьма реакционная точка зрения. По мнению Кокса и многих других, в США нет классов, ибо культура там одна и та же. «Первичные» институты одни и те же и, следовательно, «структура личности» всех американцев (исключая, разумеется, «ненормальных») в основном одна и та же. В США имеются якобы лишь «пережитки» классовых отношений, и одним из них является различие между белыми и неграми. Но виновато в этом отнюдь не капиталистическое общество США, а сами негры: много тысяч лет они жили в Африке под формирующим влиянием другой культуры и в результате приобрели ряд не только психологических, но даже физических признаков (например, черный цвет кожи), отличающих их как особую «касту». Термин «раса», однако, применять к ним не следует. Поэтому и Гэмфри, вслед за Коксом, предлагает понятие «каста». «Каста, как социо-культурное явление,— пишет он,— может быть объектом социо-культурной трансформации»³⁵. Гэмфри утверждает, что влияние американской культуры на негров приведет со временем к «социо-культурной трансформации», но пока она не произойдет (а это дело весьма длительное.—Н. Б.), «пережитки» классовых отношений будут сохранены. С неграми американские этнографы не церемонятся, и на примере «негрской проблемы» ложь их новой «концепции» вскрывается легче всего.

Эта «теория» нашла свое применение и в университетском преподавании. В одном из американских университетов в 1945—1946 учебном году курс «Личность и культура» читали одновременно трое: этнограф (Джон Гиллин) и два психиатра (супруги Ляймен). Практику по этому курсу студенты проходили в доме для умалишенных, изучая различные типы психических расстройств и сводя их к тем или иным «первичным институтам»³⁶.

В 1947 г. Американская антропологическая ассоциация обратилась в Организацию Объединенных Наций с посланием, в котором предлагалось учесть «некоторые из выводов ряда наук, занимающихся изучением культуры» при разработке «Декларации прав человека». Под «некоторыми из выводов» имелась в виду психолого-расистская «концепция». Это послание было напечатано в центральном этнографическом журнале³⁷. Психолого-расистская «концепция» начинает проникать во все науки, во все области жизни в США и стремится стать государственной догмой.

Приведенные нами факты свидетельствуют о том, что «теоретической» этнографии в США придается большое идеологическое и политическое значение. Крупными тиражами выходят работы этнографов, вводится преподавание этнографии в большинстве североамериканских университетов. Но этот дешевый успех американской этнографии лишь подчеркивает ее реакционный, антинаучный характер. Горькие и справедливые слова вырвались по этому поводу у Элси Парсонс. Американские этнографы, писала она, «могут с тоской оглядываться на добрые старые времена, когда они были бедны, но горды, независимы, потому что незаметны, свободны, потому что никто не заботился о том, что они делали»³⁸.

Современные американские «теоретизирующие» этнографы основательно забыли о том, что такое свобода и независимость науки. Они находятся в полном распоряжении империалистических хозяев США и послушно «обосновывают» их реакционную внутреннюю и внешнюю политику.

Н. Бутинов

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Проф. В. И. Равдоникас, *История первобытного общества*. Изд. Ленинградского государственного университета. Часть I, Л., 1939. Часть II, Л., 1947.

Написать учебник по истории первобытного общества — задача чрезвычайно трудная. Трудность заключается прежде всего в изобилии фактического материала — археологического и особенно этнографического, разросшегося за последнее время до колоссальных размеров. Этот материал представляет собой на первый взгляд хаотическую грудку фактов, не поддающуюся систематизации. Да если бы еще все эти

³⁴ О. С. Cox, Race and caste: a distinction, «American Journal of Sociology», 1945, 50, стр. 361.

³⁵ M. Humphrey, American race relations and the caste system, «Psychiatry», 1945, 8, стр. 280.

³⁶ «Pedagogical experiment at Duke university», «American Anthropologist», 1946, № 3, стр. 489.

³⁷ См. «American Anthropologist», 1947, № 4.

³⁸ E. C. Parsons, Anthropology and prediction, «American Anthropologist», 1942, № 3, стр. 341.